

М. П. Безенова. «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: графико-орфографические и фонетические особенности

Статья посвящена описанию вокалических и консонантных особенностей «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882). Рассмотреть фонетические изоглоссы памятника невозможно без учета графико-орфографической системы, поэтому в статье особое внимание также уделяется графике и орфографии источника.

Описание фонетических особенностей проводится методом сопоставления вокализма и консонантизма букваря с системой гласных и согласных современного удмуртского литературного языка, параллельно при наличии приводятся соответствия из диалектного словаря Ю. Вихманна [Wichmann 1987], материалы для которого были собраны в конце XIX в., а также по возможности указываются современные формы по аудиословарям, подготовленным на основе экспедиционных данных 2013 г. В результате такого сопоставления предпринимается попытка определить архаичный или инновационный характер каждой выявленной особенности памятника.

Анализ показал, что большая часть фонетических особенностей букваря как инновационного, так и архаичного происхождения характерна для современных говоров южной диалектной зоны. В связи с этим мы пришли к выводу, что в основе памятника, скорее всего, лежит один из говоров, расположенных на границе срединных и центрально-южных говоров удмуртского языка, т. е. на сегодняшний день это говор северной части Малопургинского района УР. Однако определить более конкретную локализацию оказалось сложно, поскольку данный ареал диалектологами, к сожалению, описан еще весьма слабо.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, сарапульское наречие, графико-орфографические особенности, фонетические особенности

М. А. Ключева. Именная морфология в памятнике марийской письменности. «Начатки христианского учения...» (1839/1841). Падеж

Настоящая статья продолжает серию работ по изучению марийского текста книги «Начатки христианского учения...» (Казань, 1841). В предыдущей статье [Ключева 2021] была рассмотрена система спряжения глагола; в данной работе описывается именная морфология в [Начатки], а именно падежная система имен существительных в единственном числе. В продолжение этой работы будут рассмотрены категории числа и притяжательности. Анализ именной морфологии в [Начатки] проводится в сопоставлении с марийским литературным (лугово-восточным) языком и луговыми диалектами. Специфика системы склонения в памятнике проявляется прежде всего на фонетическом уровне — в вокализме безударных слогов и системе ударений. Результаты исследования падежной системы подтверждают сделанный ранее вывод о волжском говоре как диалектной основе исследуемого памятника.

Ключевые слова: финно-угорские языки, марийский язык, волжский говор марийского языка, памятники письменности, именная морфология, историческая диалектология, акцентология

Ю. Б. Коряков. Изменение этноязыковой территории западных и южных манси в XVII—XX вв. Часть I. Предуралье и бассейн Туры

В данной статье рассматриваются изменения этноязыковой территории манси (вогулов) в Предуралье и в бассейне Туры на протяжении XVII—XX вв. На большей части этих земель манси и мансийские языки исчезли не позднее начала — середины XIX в. Но в разных частях ассимиляция и вытеснение манси происходило немного по-разному и с разной скоростью.

Целью данной статьи является сведение воедино и систематизация сведений о распространении манси и мансийских языков в западной и южной части своего ареала на протяжении XVII—XX вв. В качестве материала для исследования использовались как первичные источники XVII—XIX вв., так и работы исследователей XIX—XXI вв. Особое внимание уделяется переписным материалам, а также данным по плательщикам ясака XVII в.

Результатом работы является подробная реконструкция географического распространения и демографического состояния манси (вогулов) в данном регионе после XVII в. Для всех

упоминаемых в более ранних работах топонимов сделана географическая привязка, а также диахроническое соотнесение объектов из разных временных пластов. Для удобства изложения рассматриваемая территория разбита на несколько подареалов. Особое внимание было уделено времени исчезновения мансийских языков в каждом подареале и более точной географической привязке известных мансийских словарей XVIII—XIX вв. Собранные и систематизированные сведения иллюстрируются подробными этнолингвистическими картами, позволяющими сравнить ситуацию с манси и мансийским языком в разные века.

Такой анализ, построенный по ареальному принципу и с сопровождением проанализированных сведений подробными картами, делается впервые. Результаты работы, включая карты, могут быть востребованы специалистами разных профилей, в т. ч. лингвистами, занимающимися мансийской диалектологией и топонимией, этнографами и историками.

Ключевые слова: мансийский язык, вогулы, лингвогеография

И. П. Новак. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок)

В статье представлены результаты анализа дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в группе говоров карельского языка Средней Карелии. Интенсивные внутренние миграции карелов исследуемой территории послужили причиной сложения здесь довольно непростой картины анализируемого явления: выбор согласного зависит от целого ряда факторов, выступающих в различных комбинациях. Применение алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок к диалектным данным середины XX столетия позволило определить конкретные фонетические позиции начала и середины слова, влияющие на распределение возможных вариантов переднеязычных щелевых согласных. Визуализация результатов исследования на карте позволяет сделать вывод об ареальной природе диалектно-дифференцирующего фонетического явления; она также демонстрирует, что основные изоглоссы дистрибуции свистящих и шипящих согласных не совпадают с границами диалектов и наречий карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, диалектная классификация, анализ когнатов, кластерный анализ, фонетический маркер, переднеязычные щелевые согласные

М. А. Овсянникова. Условное деепричастие в лесном диалекте энецкого языка: корпусное исследование системы употреблений

В статье с опорой на данные текстов описываются функции условного деепричастия в лесном диалекте энецкого языка, выявляются различия между употреблением этой формы в речи носителей разных поколений. Независимые клаузы с условным деепричастием, как уже отмечалось в предшествующих описаниях, используются в качестве вопросов (общих, альтернативных или специальных) говорящего самому себе. Прослеживается развитие формы условного деепричастия глагола *ε* ‘быть’ в конструкциях с числительными в маркер приблизительного количества. К зависимым клаузам с условным деепричастием относятся протасис условных и условно-уступительных конструкций, а также сентенциальные актанты. Обсуждается диахроническое отношение между независимыми клаузами с условным деепричастием и протасисом условных конструкций, и приводятся аргументы в пользу каждого из двух возможных путей развития. К сентенциальным актантам с условным деепричастием относятся, во-первых, ирреальные сентенциальные дополнения при предикатах отрицательной пропозициональной установки (*d'ixara* ‘не знать’, *d'urta* ‘забыть’), почти не упоминавшиеся в литературе и, по-видимому, возникшие сравнительно недавно, во-вторых, сентенциальные подлежащие в модальных конструкциях с предикатами *szjza* ‘хороший’, *bʒʒ* ‘плохой’ и др. Рассматриваются такие свойства конструкций с условным деепричастием, как частотность использования маркера будущего времени, порядок следования клауз в полипредикативных

конструкциях, круг глаголов, используемых в главной и в зависимой клаузах. Многие из этих свойств можно интерпретировать в свете представлений о росте интеграции клауз в ходе грамматикализации полипредикативных конструкций.

Ключевые слова: условное деепричастие, условные конструкции, энецкий язык, интеграция клауз, грамматикализация

Д. А. Рыжова. Фрагмент лексической системы казымского диалекта хантыйского языка: глаголы *pitti* ‘упасть, попасть’ и *χʒiti* ‘задеть, попасть’ и их аргументная структура

Статья посвящена семантике и особенностям аргументной структуры глаголов *pitti* ‘упасть’ и *χʒiti* ‘задеть’ в казымском диалекте хантыйского языка, а также зоне их вариативности. В работе очерчивается круг контекстов, в которых эти глаголы конкурируют, и постулируется семантический континуум от семантики падения к семантике контакта с зоной «попадания» между ними. Показано, что промежуточная зона попадания включает по крайней мере две части: мену локализации (‘попасть внутрь’) и поражение цели (‘попасть в цель’). При этом мена локализации ближе к семантике падения, а поражение цели — к полю контакта. Смежность полей падения, попадания и контакта дополнительно иллюстрируется материалами других языков, а также морфосинтаксическими свойствами хантыйских глаголов *pitti* ‘упасть’ и *χʒiti* ‘задеть’, в частности моделями морфологического кодирования их аргументов.

Ключевые слова: хантыйский язык, лексическая семантика, лексическая типология, аргументная структура, семантическая смежность

А. Ю. Урманчиева. Энецкие показатели каритива и их прасамодийские источники

В статье рассматриваются три производные формы с каритивным значением, представленные в энецком языке: глагольная с показателем *-se* (‘не обладать чем-либо’), атрибутивная с показателем *-seɖa/-seɖe* (‘не обладающий чем-либо’) и адвербиальная с показателем *-šudiʔ* (‘будучи без чего-либо’). Обсуждаются самодийские соответствия этих форм (как вполне очевидные, так и более гипотетические). Этимология показателя атрибутивного каритива *-seɖe* прозрачна и хорошо ощущается и на синхронном уровне: формы атрибутивного каритива (*-se-ɖe*) являются имперфективными причастиями от глагольных каритивных форм (*-se*). Образование имперфективного причастия в энецком в данном случае сопровождается нетривиальными морфонологическими явлениями: форма причастного показателя (*-ɖe*) с фрикативным, а не смычным согласным указывает на предшествовавший причастному показателю глайд. На основании нганасанских (показатель адвербиального каритива *-kaj*) и маторских (показатель атрибутивного каритива *-gəsta/-kəsta*) соответствий реконструируется праформа с глайдом **j*: для глагольного каритива — **-kaj*, для атрибутивного каритива — **-kaj-ntā(-jə)*. Менее тривиальна этимология показателя адвербиального каритива *-šudiʔ*. Финальный *-ʔ* является рефлексом прасеверносамодийского адвербиализатора; этот показатель используется при образовании наречий от прилагательных и вызывает перегласовку предшествующего гласного. Соответственно, атрибутивная форма *-šudiʔ* образована от гипотетической атрибутивной формы ***-šude*, которую также естественно интерпретировать как причастную. Алломорф причастного показателя и в этом случае указывает на предшествующий ему прасамодийский глайд. В маторском есть еще один показатель каритива *-gəda/-kəda*, который может восходить только к праформе **-kaw-ntā(-jə)*: праформа без глайда дала бы в маторском ***-gənda/-kənda*, праформа с глайдом **j* дает другой уже упоминавшийся выше маторский каритивный показатель *-gəsta/-kəsta*. Глайд **w* может также объяснить появление огубленного гласного в энецком *-šudiʔ*.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, каритив, компаративистика, реконструкция

И. А. Хомченкова. Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке

Данная статья посвящена описанию дискурсивных функций посессивного показателя 3 л. ед. ч. в горномарийском языке. Во многих более ранних работах указывалось, что показатели POSS.3SG в уральских языках выражают семантику определенности; для марийских и пермских языков отдельно отмечались контрастивные употребления. Действительно, в горномарийском этот показатель маркирует в первую очередь контраст (выбор из множества), а не определенность. Его употребление зависит от информационной структуры высказывания. Он может маркировать топик, а также имеет контрастивное употребление — и в топике, и в фокусе. Данное употребление типично в референтных ИГ, но маркирование посессивным показателем возможно и в нереферентных ИГ, если данная ИГ употребляется в контрастном топике или, реже, в контрастном фокусе. В контекстах определенности по Дж. Хокинзу (прямая анафорическая отсылка, ассоциативная анафорическая отсылка, непосредственный ситуационный контекст, широкий ситуационный контекст) он допустим только в (контрастном) топике, но не в фокусе. Влияние информационной структуры высказывания не зафиксировано лишь в контексте выбора из множества. Именно идея выбора из множества объединяет функции показателя POSS.3SG в дискурсивном употреблении. На уровне ИГ это собственно выбор референта из множества участников. Контрастные топик и фокус также анализируются как выбор из множества альтернатив. При смене топика аналогично происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса. Тем самым, один и тот же показатель кодирует в горномарийском языке схожую семантику на уровнях ИГ, локальной и глобальной структуры дискурса.

Ключевые слова: посессивность, определенность, информационная структура, топик, контрастивность, дискурс, финно-угорские языки, горномарийский язык